

Александр Ермак

Любовь больше, чем правда

(очень ироничный роман)

Александр Ермак

Любовь больше, чем правда

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150724

Аннотация

Не каждой официантке может так повезти: волею случая на Катю обратил внимание популярный телеведущий красавец Константин. И вот у нее уже есть и новая интересная работа, и настоящая взаимная любовь, и дело идет к свадьбе. Однако находятся те, кому удастся разлучить влюбленных. Впрочем, Кате и Константину удастся пройти сквозь все испытания и сохранить свою любовь. Им помогают Вера и Надежда.

Роман отличается особым стилем. Лучше всего о нем написал редактор одного из издательств: «Что за стиль?!.. Автор предпочитает блатной язык?!.. Как можно так уродовать родной язык!.. Как это?!.. Как можно “излучать образование”?!.. Боже!!!!.. Как можно “прикусить слюну”?!.. Это юмор?!.. Ну и сленг!.. Нет такого словообразования!..» Александр Ермак утверждает, что такое словообразование есть.

Содержание

1. “На дипломатическом приеме”	4
2. “Первые съемки”	11
3. “В Гроуте Любви”	16
4. “Пилеменос нервничает и вспоминает”	21
5. “Признание в студии”	27
6. “Озеро сладких слез”	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Ермак

Любовь больше, чем правда

(очень ироничный любовный роман)

Посвящается любимой С.М.

1. “На дипломатическом приеме”

Катя впервые работала в таком великолепии. Залы с зеркальными стенами и полами. Перламутровые потолки. Золоченые колонны. Лестницы из горного хрусталя. Оркестр в тридцать скрипок. Нежная, спицей вворачивающаяся в самое сердце музыка.

И тут же витали, кружились запахи чудных духов, экзотических фруктов, изысканных вин. Она просто пьянела от них.

Никто вокруг не кричал и не ругался матом. Дамы в роскошных платьях и бриллиантах, господа с золотыми запонками и булавками брали с ее подноса напитки. Неспешно отхлебывали и даже коротко улыбались ей:

– Спасибо, детка...

Да, они были чрезвычайно вежливы. Однако, Катя чувствовала, что все смотрят сквозь нее. И она понимала: этим дамам и господам интересно только то, что принадлежит их кругу. На официантов же и подобных ей официанток им глубоко наплевать. Сколько обслуживающего персонала проходит мимо них каждый божий день в ресторанах, на вечеринках, на таких вот приемах.

В пору было расстроиться, но Катя лишь легонько вздохнула. Все-таки это было счастьем оказаться здесь, а не в уличной забегаловке. Среди чистых волшебных переливов света, а не в тусклом мраке слоящегося папиросного дыма. Носить поднос с хрустальными бокалами, а не тарелки с окурками и плевками. Слышать «Спасибо, детка...», а не «Двигай задницей, сучка...»

Здесь она даже не чувствовала усталости. Забыла про каблуки, про тяжесть полных бокалов. И Кате хотелось как можно дольше оставаться под этой крышей. Если не участвовать в величественных разговорах, то хотя бы слушать их краем ушка, торжественно стоя среди публики с подносом в руках.

В толпе, переливающейся всеми цветами радуги, мелькали до боли знакомые по светской хронике лица. Артисты, министры, культуристы, моралисты и просто миллионеры.

Двоих мужчин, остановившихся возле нее, Катя опознала с ходу. Но вида не показала и даже автограф не попросила. Глаз свой как бы скосила в противоположную сторону, но еще больше напрягла и так наостренное ухо.

Первым преклонил свою голову худой и богатейший ювелир планеты Мойша Каплан:

– Здравствуйте, Святой Отец...

В ответ Отец Прокопий, занимающий первые строчки во всех официальных поп-парадах, широко раскинул свои святые объятия:

– О, Мойша, друг любезный...

Они с удовольствием обнялись и обсудили текущий процесс.

– Святой Отец, как вам этот маленький праздник живота? Надеюсь, вы не разочарованы?

– Что вы, дорогой Мойша. У вас как всегда все в полном соответствии, без греховного изъятия. А кого собственно я должен окропить на этот раз?

– Видите ли, Святой отец, – заозирался Мойша, – у нас завязываются неплохие контакты с Лафландией. И сегодня мы отмечаем назначение нового чрезвычайного и весьма полномочного посла... А вот и он, кстати, с моей дочерью. Господин посол, можно вас на минутку...

К ним тут же подчалил весь с иголки и с дамой широколицый, импозантный северянин:

– Да, мой драгоценный друг.

Мойша обвел залу рукой:

– Надеюсь, вы не скучаете?

На это импозантный дипломатично качнулся на носках своих тюленьих штиблет:

– Что вы, что вы, уважаемый Мойша. Все совершенно достойно на самом роскошном уровне. Я обязательно передам президенту депешу о том, с каким почетом относятся здесь к нашей стране. Косабельно же лично меня, то все в полном ажуре. Ваша дочь – это просто какой-то атас, чудо в вечернем платье. Я прилип к ней как Прометей прикованный... О, я не задел ваших отцовских струн?...

– Чикита – взрослая девушка, – махнул на нее рукой Мойша, – Она прекрасно разбирается в светских приличиях. И вряд ли преступит соответствующую грань без моего ведома. Не так ли, дочь моя?

– Да, папа..., – нехотя потупила взор смуглая и оттого не краснеющая Чикита.

– Вот видите..., – подвел черту Мойша и тут же перешел к делу, – Дорогой посол. Пользуясь случаем, я хотел бы представить вам Отца Прокопия Святобартерного – официального архимандрита и неофициального духовного попечителя семьи Каплан...

Отец Прокопий, не спеша, осенил и окропил несколько прираскрывшего рот посла:

– Здравствуйте и веруйте...

Услышав это, Мойша удовлетворенно продолжал:

– Дорогой Отец Прокопий. Прошу любить и жаловать чрезвычайного и полномочного посла республики Лафландия господина...

Господин, однако, не дал ему договорить:

– О, вам будет очень трудно произнести мое имя в натуре. Можете обзывать меня запросто – «Большой олень». На вашем языке это примерно так получается...

– «Большой олень»... – повторила Чикита. – Не правда ли, это очень романтично, Святой Отец?

– И уникально, – добавил Мойша, – В Лафландии так называют только одного мужчину и только один раз в пятидесятилетку. Лауреата выбирают методом научного тыка из нескольких тысяч вовремя рожденных мальчиков. Носить такое имя – это все равно, что написать себе на лбу – сын прокурора. Я ничего не перепутал, уважаемый Большой олень?

Б.О. учтиво качнул головой:

– Все верно, мой дорогой Мойша... А что в свою очередь означает Святобартерный? Я еще, видимо, чувствую себя не как рыба в вашем языке...

– Как вам сказать, – несколько замялся Святой Отец.

– Видите ли, Большой олень..., – неуверенно начала Чикита.

Их выручил Мойша:

– О, Большой олень, эта история весьма интересна и поучительна. Но одновременно и слишком длинна для данного дипломатического приема. Я обязательно расскажу вам ее как-нибудь в другой раз. Идет?

– Замазано, – согласился Большой олень и еще раз заинтересовано оглядел фигуру Отца Святобартерного.

Тот, однако, смотрел не на Большого оленя. Чикита сопровождала святой взгляд своим и уткнулась в стройные, так и рвущиеся из-под белого фартука ноги Кати. Это светской дочке не понравилось, и она сделала официантке ручкой:

– Детка, прогуляйся куда-нибудь. Нас твои услуги не интересуют...

Катя послушно отошла в сторону.

Мысленно она показала Чиките язык. Но чувство досады, однако, не выпало от этого в осадок. И хорошее настроение как-то стало улечиваться.

Впрочем, переживать было некогда. Метрдотель дал ей новое указание:

– Часть девушек переходит в банкетный зал. Поэтому тебе теперь нужно двигаться по залу с напитками. Только, ради бога, будь повнимательнее. Никого не задевай, никому не мешай...

– Хорошо, – кивнула Катя и осторожно, как корабль в айсберги, вошла со своим подносом в мерцающий, поскрипывающий, пошепывающий и похихатывающий местами «бомонд».

Она шла, как учили: с улыбкой и прямой спиной. И с каждым шагом Катя все увереннее чувствовала себя среди этой толпы. Она шла, не замечая своего фартука. Шла, как будто на ней не дешевая бижутерия, а коллекционные диаманты.

В ее движениях появилось достоинство, подбородок приподнялся выше, улыбка утратила искусственность и наполнилась озорством. Она продолжала подавать бокалы. Но не как девочка из обслуги, а как сама хозяйка этого роскошного сияющего дома.

Катя не замечала, что многие стали оглядываться на нее, смотреть вслед. Она видела только фигуры, расступающиеся перед ней. Себя, появившуюся в отражении зеркальной стены.

И вдруг она увидела радужный потолок. И ощутила забавную легкость во всем теле. «Я падаю» – поняла-таки Катя. И профессионально застabilизировала в руке поднос с бокалами. И еще успела подумать: «Боже, здесь же такой твердый пол... Будут синяки...»

Но упала она не больно. Наоборот – как-то даже мягко и приятно. И отчего-то побоялась раскрыть зажмуренные в последний момент глаза.

Из короткого забытья ее вывел бархатистый, ласкающий ухо голос:

– О, принцесса, надеюсь, я не оскорбил вас своим прикосновением. Простите меня, но это была единственная возможность не допустить падения столь хрупкого существа...

Сильные мужские руки поставили ее на ноги и она, осторожно приоткрыв глаза, увидела лицо своего спасителя. Орлиный профиль, уверенный взгляд, красивые губы.

Странно, но это лицо показалось ей знакомым, как будто они уже встречались раньше. И не один раз. И чуть ли не в ее комнате. «Бред какой-то – подумала Катя, – это у меня, наверное, от падения...»

Красивые губы шевельнулись:

– Принцесса, вы молчите. Вам не требуется срочная и медицинская?

– Нет, нет..., – стала приходить в себя Катя, – Спасибо вам огромное. Извините, больше не повторится. Я постараюсь...

– Принцесса, вы просто очаровательны. В моих словах нет и намека на вашу неловкость. Вот банальный виновник вашего изумительного полета.

С этими словами молодой человек – обладатель прекрасного роста, телосложения и костюма – наклонился и действительно поднял с зеркального пола банановую кожуру.

Катя протянула руку:

– Давайте я выброшу.

– Момент, – красавчик вытянул из своего кармана кутюровый шелковый платок, завернул в него кожуру и сам положил этот сверток на поднос Кате, – Пожалуйста...

– Благодарю вас, – несколько растерялась от такого политеза Катя, – Странно, этот зал так хорошо убирали...

– Ничего странного, – улыбнулся во весь свой рот незнакомец, – на приемы иногда приходят попастьись не только люди, но и свиньи...

– Еще раз спасибо, но мне нужно работать..., – шагнула было она в сторону.

– Не спешите, – чуть придержал ее за локоток красавчик, – Думаю, ваш спаситель имеет право отнять у вас хотя бы пару минут, принцесса.

– Принцесса в фартуке? Вы смеетесь..., – опустила глаза dolu Катя.

– Ни чуть... Принцесса всюду и во всем остается принцессой, в фартуке ли там, в пеньюаре или без. Это неважно, если она, конечно, настоящая принцесса...

– Я не настоящая. Я всего лишь официантка клуба “Дипломат”..., – указала на поднос девушка.

– Принцесса – официантка... Замечательно звучит... И как зовут мою принцессу? – по-прежнему тормозил незнакомец как бы рвущуюся Катю.

Она ответила как можно сдержаннее:

– Не знаю, как зовут вашу принцессу. А официантку зовут Катя.

– Замечательно..., – одобрил красавчик, – Катя, Катерина, Катенька, Катюша...

Заметив, что Катя разговаривает с одним из гостей, к ним подрулил метрдотель:

– Какие-нибудь проблемы...

– Никаких проблем, – помахал у него перед носом безмозольными ладонями спаситель, – Я делаю заказ вашей официантке, не беспокойтесь...

– В таком случае извините, что вмешался. Но в любой момент я к вашим услугам..., – метр расшаркался и отвалил.

Его тут же подозвала к себе немолодая и очевидно не первый раз подтянутая женщина.

Но Катя этого уже не видела, она в это время вновь пыталась освободиться от спасителя:

– Еще раз спасибо...

– Не исчезайте. Еще минутку, Катюша, – настаивал однако незнакомец, – Вы так очаровательны, что я хотел бы сделать вам одно предложение, от которого просто невозможно отказаться. И не торопитесь думать обо мне плохо. У вас есть телевизор?

– Конечно, – дрогнула плечиком Катя.

– Замечательно, – лукаво посмотрел на нее красавчик, – И вы, наверняка, хоть раз в жизни видели передачу «Угадай обезьяну»?

– Да, это моя любимая передача...

И тут ее проняло:

– Вы..., вы – Константин Пиль – ведущий передачи «Угадай обезьяну»...

– Точно, – мигнул обоими глазами Константин.

– Как мне повезло, – чуть не подпрыгнула на каблуках Катя, – Я видела самого Пиля...

– И не только видели. Я приглашаю вас участвовать в завтрашних съемках...

– Вы шутите? – заподозрила Катя.

– Нисколько. По-моему, у вас есть все данные, чтобы достойно выступить. Надеюсь, вы не подведете меня...

– Вы, конечно, шутите. Но мне приятны ваши шутки. До свидания...

– Никаких шуток. Ваш телефон? – достал из кармана платиновое перо Константин.

– Телефон... Я напишу вам его на салфетке...

Она любезно воспользовалась предложенным пишущим средством.

И даже вернула его вместе с салфеткой:

– Пожалуйста... Хотя...

– Замечательно, – быстренько спрятал в карман трофей Пиль и нежно поцеловал девушке запястье, – Жду вас завтра, принцесса Катя. За вами заедут...

Катя, взглянув на метрдотеля, заговорщически болтающего с некоей очевидно подтянутой женщиной, засеменила к дверям за новой порцией напитков. Она вдохновенно улыбалась: не каждому выпадает счастье упасть в объятия самого Пилия, поговорить с ним, получить приглашение на съемки.

Но, возвращаясь в зал, Катя сникла: весь пьяный вздор этого хоть и красавчика, но лучше выбросить из головы. Через минуту Пиль забудет об одной из тысячи официанток. Лучше думать о том, как устоять на ногах до конца сегодняшнего приема, как не наступить на еще одну банановую кожуру. Катя видела, что время от времени кто-нибудь из «бомонда» взлетает вверх то глаженными брюками, то ажурными чулками.

А Пиль сопровождал ее отменным взглядом. Он кивал, рассматривая фигуру Кати, оценивая ее походку. Сзади же к нему со связкой бананов в руке неотвратимо приближалась Чикита.

Она резким движением отламывала один банан за другим. Нервно, в считанные секунды заглатывала сладкие штучки, забрасывая кожуру себе за спину.

К Пилю она подошла правда уже с опустевшими руками. Ее большие алчные губы шепнули ему в тонкое ухо:

– Кто эта потаскушка?

– Ты имеешь в виду официантку?

– Официантку-потаскушку.

– Откуда ты знаешь, что она – потаскушка? – отмахнулся Пиль.

– Если она соблазняет чужих женихов, значит – потаскушка, ... – неумолимо наследственно была логична Чикита.

– Я просто попросил ее принести мне «мартель»..., – еще раз попытался отмахнуться Константин.

– Значит, это ты ее соблазняешь. Константин – ты потаскун..., – прикусила мочку его уха девушка.

– Ну, что ты, Чикита...

Он примирительно обвил ее стан рукой и в виде прелюдии поцеловал в щеку. Чикита тут же подставила ему алые, и они слились в долгий, полный неземной страсти поцелуй.

– Браво, браво... – захлопали подошедшие к ним Мойша, Большой Олень и Отец Святобартерный, – не теряйте время, пока молоды. Потом наговоритесь, наоретесь...

– О, время! – в тот же миг приложил себя по лбу Пиль, – Ради бога, прошу извинить – через полчаса мне нужно быть в студии. Кстати, приглашаю вас всех на съемку любой следующей передачи. А сегодня надеюсь, вы не будете скучать с моей невестой. Она у меня такая затейница и забавница... Пока, дорогая...

– До свидания, милый. Будь осторожен с официантками..., – погрозила ему стройным пальчиком Чикита.

– С официантками? – вздрогнул Большой Олень и оглянулся на дежурящих у бара телохранителей:

– Официантки опасны? Коррумпированы?

– Вам нечего бояться официанток. Вы – мужчина..., – похлопала его по гулкой груди девушка.

– А-а..., – понятиливо и облегченно вздохнул Большой олень, – Хорошо, что мне не нужно здесь никого бояться. Мне так нравится ваша отчизна. Здесь такие любопытные экземпляры – один Отец Прокопий сколько стоит. Мне без усталости приятно здесь. Только какая-то, э-э, сука набросала банановой кожуры на пол. Я два раза ударился этим, э-э, днищем. Так, кажется, у вас говорят...

Чикита указала на Катю, грациозно рассекающую толпу бюстом:

– Вот эта сука...

Большой олень качнул головой и тихонько выразился:

– Красивая сука...

Чикита пожала плечами:

– Придется сказать папуле, чтобы ее по нашей просьбе уволили из этого клуба.

– Хм... – засомневался Большой олень, – Поспешишь – людей насмешишь.

Может дать ей один шанс из тысячи? Отправить человека в расход всегда успеется...

– Нет, – была не в меру категорична Чикита, – Раз ее сюда приняли на работу, значит, шанс уже предоставлялся. Она его не оценила...

– Что-то в горле засуха образовалась, – как будто отвернулся от Кати Большой олень, – Может быть, пропустим по маленькой?

– Воду с розовым льдом, пожалуйста, – согласилась Чикита.

– Воду? – наповал поразился Большой олень.

– Я не пью спиртных напитков. В нашей стране женщине не обязательно напиваться до чертиков. У нас – демократия, – разъяснила ситуацию Чикита, – И заказывайте, пожалуйста, у кого угодно, только не у той...

– Суки? – по-доброму вспыхнули глаза Большого оленя.

– Точно...

Большой олень с трудом отвел взгляд от осуждаемой официантки. Для разрядки же напряженности попросился:

– Позвольте лобызнуть вашу ручку, несравненная Чикита...

– Целуйте, – подала она ему сразу обе, – Раз пошел такой прием...

Ноги у Большого оленя попросту и мгновенно подкосились. Он рухнул на свои дипломатические колени и приник губами к нежной девичьей руке. К одной. К другой. Ее нежные пальцы так дурманяще пахли бананами...

Из забвения Большого Оленя вывел вежливый, но настырный голос:

– Госпожа Каплан и вы – господин посол, оставайтесь на своих местах. Не двигайтесь. Фото для светской хроники. Улыбочка...

Подтянутая женщина, допрашивающая метрдотеля, наконец отпустила его. Но только для того, чтобы через минуту схватить за локоть прокладывающую мимо нее курс Катю:

– На минутку, деточка.

Катя с полагающейся готовностью притормозила:

– Да, я слушаю Вас.

– И, надеюсь, послушаетесь. Что вам говорил Константин...

– Но..., – в откровенный напряг пошла было Катя.

– Молчите. Я – Долорес Каплан, – махнула у нее перед носом визитной карточкой подтянутая женщина, – мать Чикиты, девушки – невесты Константина. Лучше не сердите меня. Итак. Повторяю: что вам сказал Константин?

– Ничего..., – пожала плечиками Катя, – Он просто заказал мне виски.

– Вы лжете – он не пьет виски, – свирепо сверкнула левым глазом Долорес.

– Может быть, он заказал для кого-нибудь другого или сам начал пить виски? – задумчиво ответила Катя, – Я не знаю. Я всего лишь официантка...

– Вот именно: всего лишь официантка, – больно сжала все тот же Катин локоть Долорес, – Так что не пытайтесь изворачиваться. И зарубите на вашем очаровательном носике: здесь высший свет, а не кооперативное ранчо. А Константин не пастушок с ранчо. И нам здесь не нужно приبلудных паршивых овечек. Понятно...

– Но я..., – Катя по серьезному начала пугаться непредсказуемости последствий.

– Молчите, – еще сильнее сжала ее многострадальный сустав Долорес, – Надеюсь, вы знаете или запомните: есть люди, которые едят бананы, и есть те, кто убирает за ними кожуру. Идите, и чтоб я не видела вас больше рядом с Константином...

Катя развернулась к дверям. Вздохнула: «Ну и влипла же я с этим красавчиком. Нет, высший свет это действительно что-то весьма особенное и порой специфическое. Какие дела здесь творятся... А эта Каплан – вроде уже старая стерва, а все видит. Даже то, чего не было...»

Катя огляделась. Пиль как в воду канул. И она окончательно расстроилась. И тут же вся дневная усталость навалилась на нее. Катя едва дождалась окончания приема.

Ее, как пьяную, мотало из стороны в сторону. На улице, в автобусе, в подъезде. И она еле добралась до дома. Медленно поднялась по лестнице.

В комнате ее натруженные ноги подкосились, Катя рухнула точно в постель. И тут же на нее нахлынули перламутровый потолок, орлиный профиль, красивые губы, золоченые колонны, бриллианты, голоса:

– Детка... Деточка... Принцесса...

И она не знала, кого слушать. Она лишь металась с подносом по залу. А тридцать скрипок ей пели «Осанну»...

2. “Первые съемки”

Утром Катю разбудил телефонный звонок. Со второго же слова она узнала голос Зураба – хозяина клуба “Дипломат”:

– Извини, крошка, придется тебя уволить. Большие люди сердятся. Зайди вечером за деньги. Попозже. Я жду тебя...

– Ага, пойду я к тебе..., – положив трубку, сказала сама себе Катя, – Попрошу кого-нибудь из официанток получить мои кровные по доверенности. Если, конечно, этот филантроп согласится на посредника. А не согласится – черт с ним и с его «деньги». В первый раз что ли...

С тем она и умылась. Выпила стакан воды с курагой и расстелила карту города, сплошь усыпанную чернильными крестиками. Так она отмечала места, где уже работала. И сейчас, читая объявления в купленной загодя газете, прикидывала, где еще можно попытаться наемного счастья:

– Кабаре «Иван да Марья»... Кафе «Нелепый товарищ»... Магазин «Классные секаторы»...

Ее прервал новый звонок телефона.

– Ну, чего тебе, – пробурчала в трубку Катя, думая, что это снова Зураб по ее душу.

– Извините, это Катерина? – спросил незнакомый и какой-то до невозможности приличный голос.

– Да, вполне..., – несколько растерялась она.

– Ага. Значит все правильно..., – успокоился приличный голос, – С вами разговаривает ассистент режиссера передачи «Угадай обезьяну». Господин Пиль договаривался вчера с вами о съемках... Через час мы вас заберем. Ничего особенного не надевайте, макияж не наносите – все сделаем в студии... Куда за вами заехать?

Катя автоматически назвала место подальше от дома. Затем, слегка подумав, переспросила:

– Вы шутите?...

Но ее уже никто не слушал. Трубка с той стороны повесилась.

И тут Катя как «Отче наш» вспомнила свой вчерашний разговор с Пилем:

– Значит, все это действительно было?

И она закружилась было по комнате в радостном вальсе Иогана Себастьяна. Но остановилась вдруг на пол па. Катя не могла поверить, что за ней на самом деле приедут и повезут сниматься на самое настоящее телевидение. Ей, сотни раз по жизни обманутой, казалось, что и это вновь розыгрыш судьбы. И не хотелось тратить время на глупости. Хотелось кушать. Но и на телевидение тоже хотелось. И тогда она, не мешкая, вышла на указанную точку.

А за ней действительно приехали.

Никогда и никто еще с таким вниманием и с такой тщательностью не подбирал ей платье, обувь, не накладывал тушь, тон, не взбивал, не лакировал ее великолепные белокурые волосы.

– А вы – красotka, милочка, – восхитилась телевизионная специалистка, пудря ей то ли носик, то ли мозги, – и откуда только извлек тебя Пиль?

– Мы познакомились на приеме в «Дипломате»...

– А-а, – понятиливо протянула женщина, – ты значит из этих?...

– Нет, я из тех..., – тут же открестилась Катя, – Как все... На приеме я оказалась как бы случайно, как с боку припека. А где..., где Константин?

Специалистка глянула на часы:

– Он появится минут за десять до эфира. Это не его задача – готовить студию к съемке. Пиль только оглянет всех перед эфиром и «Пошла камера»...

Катя ненароком вздрогнула:

– А если я...?

– Не волнуйся, – поняла ее с пол оборота съевшая на телевидении не одну собаку, – это ведь будет запись. Если что, то тебя просто вырежут. Снимут другую красотку. Хотя, где они найдут еще одну такую? Так что ты уж постарайся...

– Постараюсь, – вздохнула новенькая.

Катя уже поняла, что все вокруг настоящее, что ее действительно будут снимать и возможно даже показывать на всю страну-матушку. Если только справится.

Она ничуть не сомневалась в своих способностях. Катю давно не смущали десятки взглядов жующих, пьющих и комментирующих посетителей. Не угнетала громкая музыка и яркий свет. Не страшила поножовщина в двух шагах. Вышибить ее из седла было не просто.

И все-таки первый раз на телевидении, на съемках. Перед камерой, рядом с самим Пилем... Сердце у нее билось все сильнее и сильнее. «Может, сбежать?» – мелькнуло в голове.

После того, как специалистка закончила свою работу и вышла из комнаты, Катя быстро осмотрелась. Одна из дверей, похоже, выходила на пожарную лестницу. Через нее, наверное, можно было незаметно улизнуть.

Катя встала со стула. Но не двинулась с места, заглядевшись на себя в огромном зеркале:

– Господи, неужели это я?

Теперь она действительно была похожа на принцессу. Ее крупно завитые локоны благородно спадали на кружевной ворот длинного белого платья с золотыми блестками. На ногах красовались также белые и также расшитые золотом туфельки. Не хватало только маленькой короны на голове.

Ее взбудораженное сознание посетила мысль: «Нет, если я сбегу, то все подумают, что я украла эти платье и туфли... Они не знают мой настоящий адрес. Но знают телефон... Меня найдут и арестуют. И смотреть на меня будет уже не вся страна, а начальник самой жуткой тюрьмы с самыми жуткими охранниками. Они будут тыкать в меня грязными пальцами и хохотать:

– Угадай, какая потная обезьяна зайдет сегодня ночью в твою камеру? Ха-ха-ха...»

«Нет, – решила про себя Катя. – Я буду сниматься. И пусть меня видит Зураб. Пусть видит та подтянутая тетка с посольского приема. И начальник тюрьмы пусть тоже посмотрит на меня. Но только с экрана телевизора.

И как только я могла подумать о побеге. Ведь тогда подвела бы весь телевизионный коллектив. Подвела бы Константина, который так благополучно спас меня от падения на приеме. А если бы я тогда разбилась? Сломала бы себе ногу, руку или позвоночник? И лежала бы сейчас парализованная в какой-нибудь невзрачной больнице. И пьяные врачи лезли бы своими кровавыми руками ко мне под одеяло, щупали бы мои плечи, хватали за бока и за прочее...»

– Брр, – дернула она плечиками в ужасе.

– Вам холодно, принцесса Катя, – услышала она уже знакомый бархатистый голос.

Перед ней во всей своей красе стоял Константин. Он заметно улыбался. Подождав, пока с нее сойдет оторопь, спросил еще раз:

– Вам холодно?

– Нет, нет, даже немножко жарко..., – помахала она вовремя подвернувшимся веером.

– Тогда вперед на съемочную площадку. И не волнуйтесь. У вас все получится...

Передача «Угадай обезьяну» была самой популярной игрой на телевидении. По крайней мере, так утверждали газеты, которые читала Катя в поисках работы.

“Разные новости” писали: «...Вечером, когда „Угадай обезьяну“ выходит в эфир, на улицах замирает дорожное движение. Проблематично заказать такси, они все вдруг оказываются заняты. Нет и пешеходов. Полицейские патрули вместе с бомжами припадают к экранам витринных телевизоров. Позвонив по телефону скорой помощи, вы запросто можете напороться на автоответчик...»

“Наше мнение” высказывалось в том же духе: «...Вся страна смотрит „Угадай обезьяну“. Из-за дверей всех квартир несутся душераздирающие вопли обитателей джунглей и не только. Прямо современный феномен.

И чего, казалось бы, особенного в этой игре. Ее мог придумать любой самый неприятный ребенок. Ну, много ли ума надо, чтобы поставить на столах посредине студии девять небольших непрозрачных ящиков. Прodelать в верхней части каждого дырку размером в женский кулачек. Класть внутрь ящиков в разных передачах разную разность: яйца страуса или перепелки, беззубую змею, кролика, паука, белую мышь, курицу, жабу, кошку, ящерицу или еще что-нибудь в этом роде. А в один из ящиков засовывать обезьяну – ручного шимпанзе в наморднике.

И, конечно, любой идиот догадался бы приглашать на площадку девушек, которые по очереди совали бы руку во все девять ящиков. И чтобы гость студии – известный общественный деятель или сеятель – по реакции участниц угадывал в каком ящике находится обезьяна. Попадет в точку – побеждает. Если не угадает, то побеждает девушка.

Все просто до скуки. Но народ-то неистовствует и прям таки требует незатейливых обезьяньих зрелищ круглосуточно.

Может быть, секрет в том, что угадать женскую реакцию не так легко? Иногда девушки болотную жабу спокойно принимают за элементарный оmlет. А безобидного хомячка рассматривают как канализационную крысу. И в последнем случае не просто меняются в лице, а запросто падают в неподдельный обморок.

Тогда может все дело в присутствии на площадке медицинской бригады? Может быть, зрители наслаждаются ее слаженной работой по постановке павших красавиц на их пикантно разъезжающиеся ноги? Или, возможно, смотрящие передачу совершенно по-человечески сочувствуют бледным девушкам, вдыхающим пронзительный нашатырь, получающим увесистые пощечины от накаченного медперсонала за здорово живешь?

Может быть. Но есть мнение, что все дело в тотализаторе. Ведь зрители могут участвовать в игре на равных с гостем студии. В передаче специально объявляется пауза, во время которой зрители делают по телефону ставки. Они также как и гость студии, глядя на девушек, пытаются угадать обезьяну и выиграть супер-приз.

Им есть за что побороться. Выигрыши в этой передаче, благодаря участию миллионов зрителей и десятков состоятельных спонсоров, самые крупные на всем телевидении. И может быть именно поэтому ажиотаж во время «Угадай обезьяну!» царит до небес...»

“Женский обозреватель” вторил:

«...Казалось бы, в таком ужасном представлении не согласится участвовать ни одна порядочная женщина. Но куда там – возле телецентра постоянно дежурят толпы претенденток. Днем они охотятся на Пиля. Ночью жгут костры, не расходятся, чтобы оказаться на просмотре в числе первых...»

Девочки, девушки, женщины, старушки – все рвутся прикоснуться к обезьяньему ужасу. Специальная комиссия выбирает только самых красивых. Именно на их лицах интереснее всего просматриваются эмоции, переживаемые участницами во время игры – страх, брезгливость, отчаянье, надежда, возбуждение, оргазм...»

“Светская хроника” добавляла:

«...Красавицы покидают студию со славой, спонсорскими призами, премиальными и огромной фотографией. Их обязательно запечатлевают с той самой угаданной или не угаданной обезьяной, а также с ведущим передачи Константином Пилем.

Конечно, все победительницы надеются выиграть в конце года суперфинал. На нем девушка, показавшая лучшее владение своими эмоциями, получит в качестве награды шикарный автомобиль компании «Маккаки», а также контракт на рекламу парфюмерии «О'безьянн».

Ежемесячно лица красавиц появляются на первых обложках популярных глянцевого журналов. Эти фотографии продаются также в виде открыток и вкладышей в жевательную резинку, которые можно вклеивать в специальные альбомы. Зрители, полностью укомплектовавшие их, приглашаются на съемки в качестве члена группы поддержки. На протяжении всей передачи они имеют полное право орать во все горло:

– У-га-дай о-бе-зья-ну! У-га-дай о-бе-зья-ну!..

И журналы, и открытки, и вкладыши расходятся среди телезрителей на «ура» и на зависть...»

Катя так волновалась, что даже не заметила, как пролетели пятичасовые съемки. Ей показалось, что она просто вышла на площадку и вот уже уходит.

На самом же деле была масса дублей. Два раза сбегала бестолковая обезьяна. Один раз толковая, но маявшаяся животом ассистентка сценариста. Змея по самый хвост заползла в штанину гостю передачи – известному магу-кудеснику. Рядом с Константином упала балка с тридцатью прожекторами.

И именно в тот прожекторный миг характер Катиного волнения полностью изменился. Она перестала волноваться за себя, думала только о том, чтобы на Константина снова не обрушилось какое-нибудь несчастье в виде огромной камеры, края съемочной площадки или звукооператора, подвешенного за что-то над головами участников.

Глядя на Константина, Катя как-то автоматически засовывала руку в ящики. Она была так загипнотизирована своим чувственным взглядом, отраженным внимательными и без сомнения карими глазами Константина, что совершенно не думала о том, что может находиться в ящике.

Конечно, она ощущала какие-то прикосновения к пальцам, к ладони – покусывания, поскребывания, пощипывания и посасывания. Но это не доходило до ее сознания.

Катя стала возвращаться в себя только тогда, когда Константин без обиняков обратился к магу:

– Итак, уважаемый гость: угадай обезьяну!

Маг вперился взглядом куда-то меж Катиных грудей и, закатив далее глаза, высокомерно выдал:

– Ящик номер шесть.

Константин всплеснул руками:

– Откройте, пожалуйста, шестой ящик.

Из ящика вытащили большую мохнатую, жирную и оттого почти нелетучую мышь. Катя чуть не рухнула, увидев эту мерзость. Но вовремя вспомнила, кого ей приходилось обслуживать в общепитовских точках. И устояла.

А Пиль громогласно констатировал отрядный для нее факт:

– Вы проиграли, уважаемый маг. Победитель же сегодняшней игры – Катя Андреева! Аплодисменты...

И их грянул гром. И на нее тут же надели розовую ленту. И просто завалили подарками. Столовая посуда, кухонная утварь, наборы косметики и парфюмерии, огромная плюшевая обезьяна, охапки цветов. Все полилось на нее как манна небесная.

В считанные минуты Катя просто по горло ушла в подарки. Грудь ее сдавило. От недостатка кислорода она даже побледнела под макияжем.

На счастье в это время выключили камеру. Погас яркий свет.

– Не может быть, – прошептала она, все еще не веря в случившееся.

– Все может быть, принцесса, – также шепотом обратился к ней Константин, – вы здорово играли и победили по праву.

– Я так благодарна вам.

– Не стоит благодарности. Тем более, что мы с вами сегодня еще не прощаемся.

– Как это..., – начала задыхаться она.

– Мы едем праздновать победу в ресторан «Грот любви».

– Я, пожалуй, не поеду, – поняла Катя тщетность своих самостоятельных попыток извлечься.

– Не бойтесь меня, я ничего не хочу от вас, – усек Пиль и осторожно принялся разгребать подарки, – Этот ужин – традиционный подарок победительнице от нашего спонсора. Сопровождать же вас – моя служебная обязанность... Это всего лишь формальность, от которой вы не можете отказаться.

– Ну, если только формальность..., – вздохнула наконец своей полной грудью девушка.

Пиль оттаскивал в сторону ее бытовую технику, а Катя думала: «Дома все равно, кроме кураги, кушать нечего. Тем более – неизвестно как сложится завтрашний день».

Стоя среди подарков она как-то напрочь забыла о призовых деньгах, которые позволят ей теперь не только рассчитаться с хозяйкой квартиры, но и по крайней мере пару месяцев иметь регулярное трехразовое питание и даже баловать себя пирожными четыре раза в неделю. Пирожными с кремом.

3. «В Гроуте Любви»

Роскошный спонсорский лимузин привез их к старой крепости. Под ней в каменном подвале находился грот, созданный тысячелетия назад самой природой. В нем когда-то были спрятаны несметные графские сокровища. Их совсем недавно обнаружили и освободили от вековой паутины шустрые археологи. Часть сокровищ с помпой и тележкой была передана в национальный историко-биографический музей. Часть же осталась по месту нахождения в крепостном гроте – теперь, однако, одном из самых респектабельных ресторанов города.

Это было довольно большое помещение, где потолком служил округлый каменный свод, а колоннами подпирали его слившиеся в едином порыве сталактиты и сталагмиты. По ним, как и тысячи лет назад, все ползли и ползли вниз холодные минеральные капли. Их собирали в кувшины и подавали посетителям за деньги.

По стенам метались отблески факелов, укрепленных в подлинных бронзовых реквизитах. По полу в изысканных одеждах средневековья носились официанты. Тихо играла отреставрированная арфа того же исторического периода.

Катя и Константин присели за малахитовый столик, сервированный на двоих. Девушка осторожно притронулась к приборам:

– Неужели...

– Да, – укрепил ее подозрения Константин, – это золото. Здесь все – вилки, тарелки, супники и прочая столовая утварь – все из чудно сохранившегося графского гостевого сервиза на пятьдесят две персоны...

– Значит, когда-то ее держал в руках сам граф, – гипотетично высказалась Катя, втыкая вилку в тугую оливу.

– Или графиня, – почти согласно качнул жующей головой Константин, – А теперь ее держит принцесса.

– Почему вы продолжаете называть меня так? Вы же знаете мое имя...

Константин поперхнулся:

– Даже сам не понимаю... Может быть потому, что вы мне напомнили принцессу, о которой в детстве няня рассказывала добрые сказки. Каждый вечер я засыпал, и продолжаю засыпать, представляя себе ту принцессу именно такой – белокурой, стройной и... победительницей всякой нечисти.

Катя непреднамеренно вздрогнула:

– Да, какую-то нечисть я сегодня победила. Что там было еще кроме летучей мыши?

– Сейчас вспомню..., – вздохнул телевизионную прическу Пиль, – Значит, мышь – раз. Обезьяна – два. Щенок гиены – три. Медуза – четыре. Мутантный таракан – пять... Э-э... Белка обычная – шесть. Угрь – семь. Пингвиненок – восемь. И..., и щепотка дождевых червей – девять.

У Кати в момент округлились глаза:

– Щепотка дождевых червей?

– Или не дождевых? – пожал губками Пиль, – Не помню точно. Но какая теперь разница?...

– Фу, какой ужас..., – передернуло Катю.

Константин же восхитительно посмотрел на нее:

– Но вы и виду не показали. Честное слово: я с таким самообладанием столкнулся впервые. Вы потрясающая девушка. Не то, что большинство тех, что, прикоснувшись к барсуку, начинают биться в истерику. Как будто их кобра поцеловала...

– И я такая же, – застеснялась Катя, – Просто как-то не чувствовала ничего сегодня. Прямо как под анестезией...

– Не прибедняйтесь. Вы не как все. Я наблюдал за вами и вчера, и сегодня. В вас есть что-то особенное...

Катя насторожилась:

– Вы говорите это всем, кого приходится вести в этот ресторан. Это тоже «формально»?

Константин скрипнул по зубам вилок:

– Принцесса, вы меня обижаете. Я вроде бы недостоин таких слов.

– И все же..., – обмерла в ожидании девушка.

Константин думал над ответом недолго:

– Нет. Я ни с кем и никогда не разговаривал так, как с вами. Обычно, я ненавижу эти формальные ужины. Девушки, оказавшись здесь, несут какую-то чушь, напиваются от счастья до блевотины. Потом, проикавшись, тянут меня сначала танцевать, затем зазывают в постель.

Но я, как правило, ограничиваюсь действительно формальностью – отпаиваю водой, довожу до дома... А с вами, с вами все не так, слава богу. Я вижу, что вам нравится здесь, но одновременно вы не писаетесь от счастья. Вы воспринимаете это все как обычное, нормальное природное явление. И этот ресторан – это действительно просто красивое место, предназначенное для красивого времяпрепровождения...

И я надеюсь мы не будем здесь обижать друг друга, а как и полагается просто проведем несколько приятных часов. Вкусим последних достижений кулинарии, отведаем коллекционного вина, послушаем эту лучшую в городе арфу...

Он с заметным укором пронзил Катю взглядом. Девушка ему ответила также пронзительно:

– Я не хотела вас обидеть. Но...

– Я понимаю, – закачал головой в такт нежной музыке Константин, – Пиль почти каждый вечер с новой красивой девушкой в этом ресторане... Принцесса, они меня не трогают ни за что. Это, ведь, просто такая механическая работа... А с вами я сейчас отдыхаю. Это правда. Потому что мы говорим о нормальных вещах. Не о гонорах, не о внезапно вспыхнувшей на съемочной площадке любви или о триста пятьдесят четвертой позе...

– Да уж... – поморщилась добродетельная Катя, – Я тоже не хочу говорить о триста...

– И не говорите, не говорите об этом, – поморщился Константин, – Лучше расскажите мне что-нибудь о себе. Я ведь поверил в принцессу, совсем ничего не зная о ней. И, думаю, заслужил услышать хоть что-нибудь о вас. Хоть сказку, хоть небыль. Но лучше, разумеется, документальную быль...

Катя заметно посерьезнела. И даже будто задумалась:

– Быль... В моей были нет ничего особенного. Мои родители – строители.

Еще у меня есть брат-подросток... Ой! – внезапно схватилась за лицо девушка.

– Что такое? – наклонился Пиль к ней через стол, – Вы съели что-то не то?

– Нет, – не торопилась отнимать руки от лица Катя, – Просто я только сейчас поняла, что наверное и папа, и мама, и брат видели меня по телевизору...

– Так это же хорошо, – расслабил ворот своей рубашки Константин, – им это будет приятно – увидеть вас у себя дома не только на диване, но и на экране...

– Не знаю, не знаю...

– Они не любят телевидение?

– Любят, но...

Катя задумчиво потерла себе виски и наконец опустила руки:

– Так о чем мы?

Пиль напомнил:

– Вы вспомнили о родителях. А до этого рассказывали о себе...

– Ну, конечно, – совсем уже успокоилась девушка, – Я закончила обычную среднюю школу. Безо всяких, к сожалению, уклонов. Поменяла много профессий и работ. Как говорится, по причине несхожести взглядов на взаимоотношения с работодателями. Продавец, нянька, приемщица заказов, секретарь, торговый агент, курьер, машинистка, официантка...

Катя печально улыбнулась:

– У меня нет проблем наняться на работу. Мне всегда говорят: “Для тебя работа, конечно, найдется...”

Проблемы начинаются после... Поначалу тебя просто обшаривают, ощупывают взглядами. Потом к тебе под юбку лезет рука хозяина или управляющего. Тебя пытаются завалить на стол в кабинете или на сидение в автомобиле... Часто приходится убежать, убежать без дневного, а то и без недельного заработка.

Константин слушал ее, затаив дыхание. И Катя как-то неожиданно для себя расслабилась, поделилась с ним наболевшимся:

– Знаете, я ведь так обрадовалась, когда впервые поняла, что бог меня не обидел. Высокая, стройная и самая что ни на есть натуральная блондинка. Мне казалось, что после школы жизнь сложится как в «Светской хронике» легко и просто. Выбегу за порог и к ногам посыплются лорды, миллионеры, президенты. Я выйду замуж и стану настоящей леди. Буду сопровождать своего высокопоставленного мужа во время церемоний и визитов. Рожу ему парочку очаровательных наследников. Организую дамский кружок “Умелые ручки”...

Но, увы, в заведениях нашего района днем с огнем не найдешь ни лордов, ни миллионеров, ни президентов. Зато там полным полно воров, спекулянтов, пролетариев и прочих сутенеров. Все жрут, пьют, тискают женщин, даже не подозревая, что у них от этого могут быть дети...

Я хотела вырваться из этого кошмара. Меняла работу за работой. И вот несколько дней назад мне, казалось бы, повезло. Я устроилась в приличном районе в клуб «Дипломат», к Зурабу. Но сегодня с утра он меня уволил...

– Как уволил? – не понял Константин, – Почему?

Катя рассеянно положила пальцы на тарелку:

– Позвонил с утра пораньше. Сказал, что я, мол, не понравилась каким-то большим людям. Потом я вспомнила, что вчера на приеме мне и вправду сделала внушение одна подтянутая тетка...

– За что? – нескрываясь заинтересовался Пиль, – Вы облили ее вином?

– Нет. Впрочем, это неважно, – воткнула себе в палец вилку и тут же несколько оживилась Катя, – Знаете, с официантками так случается. На всех не угодишь. Каждый в тебе видит свое исподнее. Один упивается своими распоряжениями «Девочка, это. Девочка, то...». Другой хочет затащить в постель. Третий просто ревнует тебя к другим клиентам и начинает сходить с ума...

Константин сомкнул брови:

– Та подтянутая тетка, случайно, была не Долорес Каплан?

– Не помню, – опустила голову Катя, – И не важно все это. Я все равно бы уволилась – Зураб так за мной подглядывал... Лучше расскажите мне о себе. Теперь ваша очередь.

– Моя? – изумился Константин, как будто слышал подобное впервые в своей популярной тележизни, – Хорошо. Как известно, Константин Пиль – это ведущий игры «Угадай обезьяну». На телевидение пришел после окончания нескольких престижных учебных заведений как внутри страны, так и снаружи. Имею собственного отца и хобби: в свободное время люблю плавать “брассом” и “кролем”. Ужасно холост...

– Ужасно?...

– Шутка. Но то, что холост – это правда...

Катя подтвердила:

– Да, я читала в “Светской хронике” о вашей холостой жизни. О “брассе”, о “кроле”, о загородных пикниках с...

Константин договорил сам:

– С Чикитой Каплан... Да – она моя невеста. Но ведь еще не жена. Я не обманывал вас, говоря что холост.

Пиль от чего-то разгорячился:

– Какой смысл мне вас обманывать. Никакой ведь разницы в данном случае нет. Женат я или холост.

Катя несогласно заерзала в своем креслице:

– Разница есть. Когда мужчина говорит вслух девушке, что она особенная, и что он в этот момент холост, это звучит как прямое предложение к действию. Расчет делается на то, что девушка клонет на такую наживку, пойдет на поводу у дурных мужских замыслов...

Константин спрятал под стол ставшие вдруг лишними руки:

– Не сердитесь на меня. Я ни на что не намекал. С этой точки зрения вы вообще не в моем вкусе...

– Да? – выкатились на лоб уже округлившиеся ранее Катины глазки, – Но только что вы говорили, что вам нравится этот неформальный ужин.

Пиль отвел свой взгляд в сталактит:

– Да, но...

– Ну, конечно... – откинулась Катя на собственную спинку, – В вашем вкусе только те – с бриллиантами и с наследством. «Есть люди, которые едят бананы, и есть те, кто убирает за ними кожуру»...

– Кто вам мог такое сказать, – испугался чего-то Константин, – Нет, Катя, нет...

Девушка же, не слушая его, легонько постучала сжатыми кулачками по столу:

– Да, Константин, да... Я думаю, обязательное время формального ужина истекло, и мы можем разъехаться по домам...

– Не торопитесь..., – попытался взять таймаут Пиль, – И не делайте столь поспешных выводов. Для меня действительно все люди отличаются лишь способностями, а не связями или богатством. И к вам я отношусь как к абсолютно любой женщине – с уважением. И даже с чем-то большим...

– Да ну..., – наклонилась к нему через стол Катя.

– Да, – несколько поджал губы Константин, – С любопытством, если хотите. Вы ведь что-то недоговорили. Я чувствую – у вас есть какая-то тайна...

Катя устало вздохнула:

– У каждой женщины есть какая-то тайна...

– Страшная?

– Конечно..., – начала было Катя, но спохватилась, – Но вы тоже ничего мне не рассказали. И у вас, похоже, есть тайна...

Константин согласился:

– У каждого мужчины есть своя тайна...

– Страшная?

– Жуткая...

– И вы ее мне расскажете? – тут же оживилась Катерина.

Но Константин девушку откровенно разочаровал:

– Только в обмен на вашу.

Катя на это отреагировала соответственно:

– Я подумаю... Но сейчас мне пора...

Они ехали молча. Но почему-то это было легкое и приятное обоим им молчание. Возможно они думали об одном и том же...

– Остановите, пожалуйста, здесь, – попросила девушка водителя за несколько кварталов от ее дома. Катя по-прежнему не хотела, чтобы Константин видел, где она живет. И чтоб не пытался напроситься на чашечку выпить.

Пиль корректно пожал ее руку:

– Жду вас завтра на съемках.

– Опять? – не уловила Катя.

– Это не провокация, – боле менее успокоил ее Константин, – Просто все победительницы промежуточных туров автоматически входят в группу поддержки. Вы будете участвовать во всем текущем цикле съемок. Так у нас принято и заведено. Это несложная и... вполне оплачиваемая работа.

Катя выдержала паузу, как бы взвешивая и сортируя. Потом согласно кивнула:

– Хорошо. Раз нужно, то я приду.

Константин смотрел на нее с какой-то затаенной надеждой:

– До свидания, принцесса...

– До свидания, Константин...

Проходными дворами она добралась до дома. Легко взбежала по ступенькам в свою комнату, зачем-то глянула в темное окно, выходящее во двор. Потом медленно разделась, прилегла на постель и с удовольствием обратилась мыслями к минувшему вечеру.

Пред ней снова предстал грот. Металось пламя факелов. Блестели глаза десятков притихших за столиками зрителей. На сталактите висела золотая обезьяна. Под каменным сводом бродило незатихающее эхо волшебного, бархатистого голоса: «Фритюрницу в студию!.. Фритюрницу в студию!.. Фритюрницу в студию!..»

4. “Пилеменос нервничает и вспоминает”

В дверь кабинета постучались.

– Это вы, Гнудсон?... Проходите, располагайтесь, – указал на кресло старик Пилеменос, – Есть у нас что-нибудь из ряда вон выходящее?

– За последнюю неделю ничего особенного не произошло, – начал привычно рапортовать инспектор, – Можно отметить лишь некоторый интерес Костаса к новенькой «обезьянке». Пока говорить о дальнейшем развитии рано. Однако, даже если и получится какое-нибудь продолжение, то скорее всего в рамках обычного телевизионного романа.

– Не очень-то он нам сейчас нужен, этот роман, – проворчал Пилеменос, почесывая накрахмаленную грудь, – Вот женится, и тогда пусть себе романится, сколько ему залезет. А вы, значит, считаете, что ничего серьезного здесь нет?

– Пока..., – пожал бровями Гнудсон.

– Пока... Пока...

Пилеменос встал из-за стола и павлином прошелся по своему отделанному сандаловым деревом кабинету:

– Молодость-молодость. Все невтерпеж. И эту хочу. И мимо той не пройду. И на эту взберусь... Впрочем я и сам был таким. И вы, наверное, Гнудсон, накануне свадьбы соблазнили не одну подружку невесты. Признайтесь, Гнудсон?

Молоденький инспектор несколько заметно смутился:

– Своей свадьбы у меня еще не было...

– Так будет. Мой вам совет: не теряйтесь, а...

Только было Пилеменос занес руки для красноречивого и живописного жеста, как раздался телефонный звонок. Пришлось старику отложить наглядную агитацию и поднять трубку:

– Алло... Мойша?... Здравствуй, дорогой. Как здоровье? Как Долорес, Чикита?... Слава богу... Нет, ничего не изменилось. Конечно, сделка есть сделка... А в чем собственно?... Ах, это... Столько шуму из-за какой-то смазливой официантки. Ну, мы же мужчины, Мойша... Ах, это Долорес волнуется... Хорошо, я приму меры. Все будет, как договорились. Мои юристы работают над бумагами... Твои тоже?... Отлично... Кланяюсь Долорес. Привет Чиките. До встречи...

Пилеменос задумался и рассеяно бросил трубку в пепельницу:

– Вот, черт. Вечно с этими бабами одни проблемы. Ну, встретился мальчик с девочкой. Ну, прогулялся, развеялся под луной, распахнул по утру дверцу: «До свидания, птичка, лети»...

Вот что, Гнудсон... На всякий неотложный случай подберите-ка мне все, что найдете по этой «обезьянке»...

Гнудсон вытянулся по струнке:

– Хорошо, господин Пилеменос. Будет сделано. Я свободен?

– Да...

Гнудсон распахнул дверь и с трудом увернулся от футбольным мячом влетевшего Константина.

– О, привет, Гнудсон...

– Всего вам самого доброго, господин Пиль...

Константин бросился в неостывшее еще кресло рядом с рабочим столом старика:

– Папа, привет.

Пилеменос внимательно посмотрел на сына:

– Какой-то ты последнее время чересчур возбужденный. Надеюсь не наркотики?

– Не наркотики, – откинул голову назад Константин и посмотрел куда-то вверх сквозь потолок кабинета, – Отец, ты не поверишь. Но я наконец-то встретил девушку, с которой мне было так хорошо. Сначала думал, что мне показалось. Но, чем дальше, тем больше думаю о ней. Вспоминаю, как впервые увидел ее, как целый вечер с увлечением слушал ее. Представляешь: оказывается женщину можно слушать целый вечер... Я потом всю ночь не мог заснуть. А теперь каждое утро начинается с мысли о ней. И мне постоянно хочется видеть ее снова и снова, говорить с ней, говорить...

Старик Пилеменос посмотрел в окно:

– Как я рад за тебя, сынок. Это прекрасно. Я по себе знаю, как это важно, чтобы было с кем поговорить. И ты прав: такие девушки не часто валяются под ногами. Но кто она – эта принцесса?

Услышав последнее, Константин аж подскочил на мягком месте:

– Именно принцесса... Она такая вся сказочная. Катя Андреева... Официантка... Была... Теперь героиня моей передачи...

Пилеменос старший снова глянул за окно. На этот раз более заинтересованно. Мимо пролетала ворона, уносящая что-то в своем хищном клюве. Старик оценил ее особенно благородный окрас:

– Как ты демократичен. Весь в свою матушку... Ты подобрал эту официантку на остановке общественного транспорта или прямо в какой-нибудь харчевне?

Константин подскочил еще раз:

– На дипломатическом приеме, папа. Ты бы видел, как на нее глядели все: Большой Олень, Мойша Каплан и даже Отец Прокопий...

Хозяин кабинета взял ворону в воображаемый оптический прицел:

– Да, мне уже звонил кое-кто, не в силах сдержать восторг от появления на нашем небосклоне этой новой мегазвезды...

Услышав такое, Константин расслабленно откинулся:

– Да, она действительно звезда. Я не видел лучшей героини в своей передаче. Как она держалась. После съемок все ассистенты, осветители, операторы на коленях просили меня познакомиться с ней поближе...

Старик Пилеменос нажал воображаемый спуск и чуть дернулся от отдачи правым плечом:

– Надеюсь, по причине моих преклонных лет ты позволишь мне не опускаться на колени и познакомишь нас без очереди? Как-никак, я твой отец...

– О, конечно, – вздрогнул сын, – Я думаю, тебе доставит огромное удовольствие отбеседовать с ней. От нее веет такой духовностью, таким интеллектом. Я бы говорил с ней и говорил...

Пилеменос старший прикинул на глаз траекторию и характер падения черной дохлой вороны:

– Это прекрасно, что после свадьбы у тебя будет с кем поговорить и кроме жены...

– Свадьбы? – переспросил Константин.

Его отец пнул упавшую к ногам птицу:

– Коротка память у нынешней молодежи. О всем приходится заботиться старикам, все в голове держать. Сын мой, до намеченной даты осталось уже всего-навсего пара месяцев. Девяносто одни сутки...

– Девяносто одни сутки?... – стал остывать и приходить в себя Константин.

Старик Пилеменос снова прицелился:

– Напоминаю: ты женишься на Чиките Каплан. А она, соответственно, выходит за тебя замуж. Ты, вроде бы, сам делал ей предложение. Никто тебя ни за что не тянул...

Сын его схватился за голову:

– Да, отец, да. Но...

Родитель, подумав, перезарядил свое ружье, сменив дробь на картечь:

– Я, надеюсь, ты не вздумал расторгнуть с какого-нибудь горяча нашу с Капланами договоренность, отказаться от свадьбы, плюнуть в глаза всей высоконравственной общест-венности?

В Константине боролись все внутренности. Его безумно ломало:

– Нет, я не вздумал плюнуть. Но... свадьба... Свадьбы не будет...

Пилеменос старший, еще раз все взвесив, поменял ружье на автомат:

– О, я не спорю. Я знаю, ты чувственный в мать и упрямый в меня. Давай договоримся так. День свадьбы мы отодвинем еще на месяц. В связи, скажем, с оформлением моей тебе дополнительной дарственной еще на несколько миллионов. Мойшу такой расклад успокоит, и он найдет чем заткнуть глотку Долорес и Чиките. Ты же это вполне достаточное для клас-сического романа время встречайся со своей подружкой. Веди беседы, рассусоливай, рас-пускай нюни, в общем наслаждайся общением и думай. Думай над тем, что ни от чего в жизни не надо отказываться. Никогда и ничем не стоит жертвовать. Если есть у тебя две девушки, так имей их обеих. На одной женись, а с другой беседуй. Все просто. Если у тебя три девушки, то женись на одной, а с двумя беседуй. Это опыт всех предыдущих поколе-ний. И не надо его отбрасывать, руководствуясь лишь юношеским нигилистическим макси-мализмом. Помни девиз Пилеменосов «Ничего не терять, все в дело сгодится!»

Основательно подраненный Константин однако не сдавался:

– А как же девиз матушкиной фамилии «И теряя находишь»... Знаешь, я познакомлю тебя с Катей, и ты тоже будешь думать в том же духе. Потеряешь разум, но найдешь эту девушку принцессой...

Старик продул ствол автомата и отбросил его в сторону. Снял с пояса огромный охот-ничий нож:

– Хорошо. Я, кажется, уже нестерпимо жажду встречи с ней. Значит,... – Пилеменос не спеша полистал настольный календарь, – через неделю,... две, нет через три недели во вторник в шестнадцать двадцать пять ты организуешь нам встречу?

– Я могу и раньше. Но раз ты так занят, то...

– Договорились. Беги сынок. Набирайся...

Константин тут же окрылено взмыл из кресла и выпорхнул за двери. Старик же Пиле-менос абстрагировался от воображаемой охоты и со вздохом вытащил из пепельницы теле-фонную трубку:

– Соедините меня с Отцом Прокопием... Здравствуйте, Отец Святобартерный. Наде-юсь, все, как всегда, останется между нами... Мой сын пожаловался мне, что его обуревают искушение впасть в грех – свершить двоеженство. Я, как мог, пытался облегчить его стра-дания. Но, боюсь, мое земное убеждение не в силах справиться с дьяволом, искушающем его. И я прошу вас прийти мне на помощь...

И вы обеспокоены?... Не был на очередной исповеди?... Вы приглашали его?... И он сказал, что завязывает с религией, что мирские утехи ему ближе... Во что же он собирается так испуганно верить?... В нее?... Повторите еще раз, пожалуйста... «В нее»... Он не назвал ее имени?... Я вам его назову: Катя Андреева. Видели ее по телевизору?... И до того на приеме?... Значит чуть-чуть ее знаете в профиль и анфас...

Может быть стоит морально повоздействовать на девуцу? Отговорить от греха подальше. Возможно, она внемлет слову божьему и выбросит из головы свою ведущую к пороку связь с Константином?... Да, конечно, я пожертвую на «Кагор» и пиво для святых отцов. Да не ослабеет длань, осеняющая во спасение нас... Телефон и адрес девушки попро-сите у Гнудсона – он их имеет... Благодарю вас, Святой Отец. Только на одного вас и упо-ваю...

С этими словами Пилеменос снова бросил телефонную трубку в пепельницу. Старому прощелыге не нравилось все происходящее с сыном. Ох, не нравилось. Костас мог совершить ту же ошибку, что совершила его мать – Дульсинея.

– Ах, Дульсинея..., – Пилеменос вздрогнул и растянулся в самом удобном во всем деловом мире кресле.

Он помнил, все помнил, несмотря на несколько десятков прошедших добрых лет. Тогда он еще совсем молодым и нетронутым юношей приехал в этот большой город. В карманах у него не было и копейки. В записной книжке – ни одного телефона или адреса людей, которые могли хотя бы накормить его или дать какой-нибудь полукров.

Но юноша не ночевал на вокзалах или на скамейках в парке. Он игнорировал биржу труда. Это было не для него. Полный задора и огня, Пилеменос взобрался по пожарной лестнице на крышу лучшей городской гостиницы «Семь звезд» и спал там в гордом одиночестве на теплых вентиляционных трубах. А когда не спал, то смотрел на этот милый, залитый то солнцем, то смогом город. Смотрел сверху вниз. Он знал, что дождетсЯ своего часа. Пилеменос был уверен, что покорит этот приют финансовых воротил весьма и весьма скоро.

И правда, не прошло и полгода, как он завладел Дульсинеей. Она была молода и свежа как занзибарская роза. Шлейф поклонников следовал за нею по приемам, балам, элитным дискотекам и сабантуям. Все газеты и журналы, заносимые ветром на крышу, писали о Дульсинее взахлеб, публиковали список претендентов на ее честь и наследство:

- «1. Граф Кристемон (совокупное состояние – более 11 000 000 000),
2. Маркиз Де Дас (совокупное состояние – 10 500 000 000),
3. Принц Маглет (совокупное состояние – около 10 000 000 000),
4. Барон Хюнгмаузен(совокупное состояние – 9 750 000 000)...»

Конечно, в этом списке не было Пилеменоса. Он не числился ни пятым, ни тысяча шестым. Но именно ему выпала честь лишить ее чести.

В дни смутных раздумий и неясных предчувствий Пилеменоса на крыше семейство Дульсинее вместе со всей прислугой арендовало «Семь звезд» целиком и полностью на полгода в связи с евроремонтом родового замка.

Единственная дочь Нефтяного Магната Номер Один разместилаСя в лучших королевских апартаментах отеля вместе со своими канарейками и черепашками. По внешнему периметру всего ее номера стояли и спали по очереди на шкурах мегер лучшие охранники.

– Живут же люди, – бормотал себе под нос Пилеменос, читая в «Светской хронике» о новых причудах общественных сливок.

Бросив же газету на проплывающее мимо облако выхлопных газов, пожал плечами:

– Да и мы живем не хило. С магнатского стола кое-что имеем...

Он позволял себе заглядывать на гостиничную кухню через вентиляционную трубу. В связи с этим у него всегда было регулярное и сбалансированное питание. Мюсли, овечий йогурт, филе маньчжурского фазана, хвостик марианского лобстера, лучшее шампанское, папайя на десерт...

Водосточная же труба с наступлением темноты позволяла Пилеменосу отправляться вниз в поисках развлечений. На этой трубе не было ни телевизионных камер, ни охранников, и Пилеменос всюю использовал такое замечательное обстоятельство.

Он дефилировал по трубе, заглядывая в окна гостиничных номеров. Такой ночной променада вполне заменял ему телевизор. Перед Пилеменосом разворачивались такие вдохновляющие сюжеты. Он называл их себе то «Репортаж с места событий», то «Показ нижнего белья от кутюр», то «Криминальная хроника», то «Час порнофильма»...

Не мог он заглянуть лишь в одно окно на последнем этаже. Изнутри оно было закрыто жалюзи. Постоянно и наглухо.

Пилеменос подозревал, что именно за этим гигантским окном и находится королевский апартамент, в котором живет та самая финансово завораживающая Дульсинея. Та, о которой так сладострастно шептались охранники. Та, на которую выстроилась угрожающая очередь претендентов.

И он не ошибся в своих гипотезах. В одну из душных ночей карабкаясь по испытанной водосточной трубе, он неожиданно обнаружил, что и жалюзи, и само пресловутое окно приоткрыты. Конечно, Пилеменос тут же сунул внутрь свою любознательную голову.

На королевской кровати в роскошном серебристом пеньюаре возлежала божественная Дульсинея. Со слезами на глазах она укачивала черепашку.

Дрогнувший Пилеменос не удержался на трубе и тушканчиком впрыгнул в комнату:

– Почему вы плачете?

Девушка естественно испугалась до шепота:

– Кто вы?

Он ее категорично успокоил:

– Пилеменос.

– О, Пилеменос, – тут же увидала в нем спасательный круг Дульсинея, – моя черепашка измучена бессонницей. Она не спит уже двенадцать лет.

И тогда Пилеменос торопливо и сочувственно подкрался к ней:

– Вы, наверное, устали за это время? Давайте я покачаю.

И он взял на руки черепашку вместе с Дульсинеей.

И он качал ее и искренне, и нежно. По самой высокой амплитуде. И уже через сорок минут страсть овладела ими. И еще через полчаса борьбы противоречий Пилеменос овладел Дульсинеей прямо на печальных глазах устало бдящей черепашки.

Впадая в райское наслаждение, в полный восторг Дульсинея неосторожно выкрикнула какое-то заклинание, и в комнату тут же ворвались шесть телохранителей с горничными наперевес.

Пилеменос с Дульсинеей попытались было спрятаться под верблюжье одеяло. Но ее отец, появившийся наконец через двое суток, стянул с них теплый покров. Тыча Пилеменосу в нос пропахший нефтью и кровью конкурентов кулак, магнат простонал:

– О, ты женишься на ней, подлец. Ты не отвертишься...

Так Пилеменос и оказался в нужный момент в нужном месте.

На следующий день он уже трудился, не покладая мозгов, на должности первого помощника Нефтяного Магната Номер Один.

Дела у итак далеко не бедствующей компании пошли еще лучше некуда. Ее акции котировались все выше и выше над финансовым уровнем моря. Дошло до того, что в один из дней Магнат Номер Один даже как-то неожиданно прослезился:

– Теперь я могу спокойно умереть – у меня есть достойный наследник...

Вместе со скупой слезой на грудь Пилеменосу Дульсинеин папашка уронил и свою мертвую голову.

Через несколько лет к юному дарованию на грудь упала и измученная мигренями голова Дульсинеи. В городе с ужасом говорили о странной и так до конца необъясненной гибели жены Молодого Нефтяного Магната Номер Один.

Еще к утреннему омовению она была в настроении и безукоризненно синем халате, а после – в ужасе и конвульсиях. Молва настаивала на дурной нефтяной наследственности. Врачи не утверждали обратного.

Мужу сообщили о скоропалительной смерти Дульсинеи прямо во время его выступления на традиционном акционерном собрании Нефтяной Компании. Ему пришлось прерваться на самом интересном месте – на дивидендах. И Пилеменос был, похоже, вне себя

от горя. Единственное, что теперь скрашивало его одиночество, это – ребенок. За несколько месяцев до смерти жена родила ему настоящего сына.

Дульсинея родила Костаса. Костас родил «Угадай обезьяну».

– Обезьяна родила Катю Андрееву, – проворчал Пилеменос.

Он не был в обиде на девчонку. Старик никогда не обижался на девчонок. Это они обижались на него, когда им казалось, что он не доплачивает.

– Но это не тот случай, – размышлял Пилеменос вслух, – я заплачу столько, сколько нужно. Алмазы Мойши Каплан того стоят...

Он представил себе эти алмазы, а также изумруды, сапфиры, опалы, рубины. Они сверкали, сияли и переливались всеми цветами радуги. Пилеменос даже зажмурился и незаметно для всех партнеров со всех концов света задремал.

Он увидел, как медленно и тяжело распахнулся гигантский сейф Мойши Каплан. Внутри него мерцали внушительные груды тех самых драгоценных камней.

Пилеменос протянул было к ним руки. Но вдруг боковым зрением в углу сейфа увидел бриллиантовую занавесь. Из-за нее навстречу ему выплыла обнаженная Дульсинея. Она была в своих последних сексапильных годах и в фартучке официантки одновременно. Дульсинея походя покачивала бедрами. Она звала его:

– Иди сюда, мой старый хрыч. Сегодня я приготовила твою любимую папайю. Налетай, пока горячо...

И Пилеменос, не раздумывая, шагнул в ее сторону. Протянул руки. И ему сразу же стало тепло и уютно. Как тогда, под толстым верблюжьим одеялом Дульсинеи...

5. “Признание в студии”

После того, как передача с участием Кати вышла в эфир, на телевидение обрушилась сплошная масса телефонных звонков:

- Как здорово играла та девушка-блондинка!..
- Присудить ей годовую победу досрочно!..
- Слюшай, дай, пжалуста, телефончик Катюши Андреевой...
- Передайте привет Кате от семьи Тер-Петросянов...
- Наша средняя школа полным составом будет болеть за Катю в финале...
- Приглашаем Катю Андрееву отдохнуть на выходные у нас на вилле...
- Почаще показывайте Катю во всевозможных ракурсах...

В первые два дня из-за этих возбужденных зрителей в студию невозможно было дозвониться по делу. А еще через несколько дней в нее не так-то просто было и войти. Все подходы и проходы были завалены письмами, факсами, открытками и телеграммами почитателей Катиного таланта. Растерянный администратор только успевал расписываться за получаемые мешки:

– Два..., три..., семь...

– Четырнадцать мешков писем и телеграмм. Всего за одну неделю после выхода передачи в эфир, – изумленно вытирал пот со лба режиссер, обращаясь к Пилю, – такого еще не было. И даже теперь, когда Катя смотрит в камеру со скамейки группы поддержки, ажиотаж не утихает. Мы точно установим абсолютный рекорд по зрительскому рейтингу...

– Обязательно установим, – уверенно соглашался Константин, – Эта девушка действительно находка для нас. Для... нас...

Следом за зрителями активизировались и спонсоры. Продюсер передачи заключал все новые договоры. Причем часть спонсоров хотела иметь персональные контракты с самой Катей Андреевой. Каждое утро у дверей студии девушку поджидали агенты и представители фирм. У всех у них были самые привлекательные предложения:

– Во время игры вы оденете маечку с фирменным знаком нашей компании. За это можете в течение года одеваться в наших магазинах нижнего белья бесплатно...

– Время от времени делайте, пожалуйста, глоток из нашей лимонадной бутылки. Мы доставим вам на дом десять ящиков любых (любых!) указанных вами напитков. Кроме того, вы получите ящик салфеток, два рулона бумажных скатертей и пятнадцать упаковок памперсов...

– В течение передачи помахивайте нашим фирменным флажком. Завтра же мы перечислим указанную в контракте сумму на ваш банковский счет...

От съемок к съемкам персональных спонсоров становилось все больше и больше. Деловые люди быстренько сообразили, что теперь зрители смотрят “Угадай обезьяну” еще и из-за участия в ней Кати Андреевой. Любуются этой красивой без утайки девушкой. Разглядывают ее с помощью телекамеры со всех сторон. И, разумеется, читают всю находящуюся на ней рекламу.

Катя подписывала контракт за контрактом. Автомобили спонсоров везли в ее новую, снятую в престижном районе квартиру все новые и новые подарки: пляжные полотенца и халаты, новейшие магнитофоны и телевизоры, игрушки, велосипед, стиральный порошок, домкрат, ящик зубных щеток, контейнер сметаны, упаковки туалетной бумаги и что-то еще. Из всего этого товаропотока в голове у Кати почему-то отчеканилась только фритюрница.

После очередной записи передачи к ней подошел еще один очень крупный бизнесмен:

– Катя, мы не просто хотели бы стать вашим спонсором. Наблюдательный совет нашей компании решил предложить вам сняться в серии рекламных клипов, представляющих наши

товары. Мы были бы рады видеть вас нашим рекламным образом. Вот полностью готовый контракт. Вам надо лишь поставить свою подпись. Но не торопитесь. Внимательно изучите все пункты – может быть у вас будут еще какие-либо требования. Мы готовы их рассмотреть и удовлетворить. Ждем вашего решения. Всего доброго...

Бизнесмен, вложив в ее руку визитную карточку и контрактные бумаги, откланялся.

Катя мельком взглянула на текст. Что же и как же она должна рекламировать?

– Так..., «Пенное пиво для обжигающих брюнеток », „Лучшие сосиски для девиц“ ..., «Косметика для кармелиток и космополиток“...

Девушка мельком глянула на сценарии будущих рекламных фильмов. Везде она была главным действующим лицом, лицом фирмы – большой, уважаемой компании. И все это без отрыва от “Угадай обезьяну!”.

– Как здорово, – вырвалось у Кати. В эту минуту адреналин удачи просто переполнил ее. Даже в глазах немного потемнело.

Когда же Катя увидела в конце документа сумму контракта, то вообще чуть не ослепла. О таких деньгах она слышала разве что из уст героев кинофильмов.

Катя растеряно присела в туалете. Сердце ее билось как у влюбленного зяблика:

– Неужели я добилась этого. Неужели жизнь моя станет почти такой, как я мечтала...

– Катя Андреева, – кричали где-то в студии, – на выход, Катя Андреева!.. Внимание, в представительской комнате начинается пресс-конференция. Корреспондентов газет, журналов, радиостанций и телеканалов просим собраться в указанном месте. Сегодня на интересующие вас вопросы ответят ведущий передачи “Угадай обезьяну” Константин Пиль, а также специальный гость пресс-конференции – Катя Андреева... Катя Андреева, на выход...

– Не выйду, – испуганно прошептала Катя. Она еще не была готова общаться с журналистами, правильно отвечать на их дотошные расспросы. Тем более, что на некоторые темы ей не хотелось говорить вовсе.

– В следующий раз, – пообещала она себе, – вот окончательно освоюсь...

Катя, как бы тренируясь, вообразила себе следующую пресс-конференцию. И следующую. И следующую.

Она представила себя уверенной, остроумной, обожаемой журналистами, рвущимися опередить друг друга с вопросами к ней:

– Газета «Светская хроника». В чем секрет вашей красоты?

– «Женский обозреватель». Мы получаем много писем от наших читательниц с просьбой рассказать о том, как вам удалось пробиться на телевидение...

– Телеканал «Охальник». Вы нравитесь не только мужчинам...

Катя как бы воочию увидела улыбку на своем лице, но на самом деле почувствовала катящиеся по щекам слезы.

Сначала она подумала, что плачет от счастья. Но чем дальше, тем больше Катя понимала, что слезы льются у нее из-за несбыточности совершенно другой мечты.

Последние дни, где бы она ни была, чтобы она ни делала, Катя все время думала о Константине. О первой с ним встрече. О вечере в “Гроте любви”. О том, как приятно работать с ним на съемочной площадке.

Он был и красив, и умен, и не кичился своими достижениями, предпочитал общаться на «ты». С Константином можно было запросто поговорить на любую тему. Что Катя собственноручно и делала в технических перерывах. Не раздумывая, подходила, заговаривала. И он с удовольствием поддерживал разговор.

– Хорошая погода сегодня. Не правда ли?

– Просто отличная...

И хотелось видиться с ним все чаще, оставаться рядом с ним все дольше.

– Удивительно замечательный парень, – вздохнула Катя и вдруг поняла, что именно тянуло ее к нему, – Да я же просто люблю его...

От этой мысли она сначала растерялась. Затем ужаснулась:

– Любить Пиля? Человека, которого обожают тысячи телефанатов. Человека, у которого на носу свадьба с самой Чикитой Каплан...

Умом Катя понимала: любить Пиля было безнадежно. Но сердцу не прикажешь. Оно продолжало биться все в той же любовной тональности.

А Катя отчаянно соображала, как теперь жить дальше, как продолжать работать с любимым человеком рядом, не выдавая своих чувств. И она продолжала плакать, не находя выхода из такой вот ситуации.

В конце концов Катя отложила принятие решения на потом. Окончательно выплакалась. Смыла разводы под глазами и дождалась, пока не услышала снаружи:

– Господа журналисты. Пресс-конференция закончена. Персональную встречу с Катей Андреевой мы обязательно организуем в следующий раз. А сейчас пройдите, пожалуйста, по коридору на выход...

Для верности Катя пересидела еще несколько минут, в течение которых окончательно успокоилась. Вышла обратно в студию уже невероятно посвежевшей.

А там уже не было ни операторов, ни зрителей, ни спонсоров. Посреди пустого павильона в одиночестве стоял нервно озирающийся Константин. Увидев Катю, он бросился к ней со всех своих ног:

– Где ты была? Мы просто обыскались тебя. Весь телецентр перерыли. Журналисты так хотели пообщаться с тобой, рассказать народу о твоей личной жизни...

Оказавшись чуть ли не в объятиях Константина, Катя дрогнула. Сердце ее снова любовно сжалось. На ресницу предательски выползла неизвестно из каких ресурсов взывшая слеза.

– Что случилось, Катюша, – забеспокоился, глядя на увеличивающуюся капельку, Пиль.

– Ничего, ничего, – лихорадочно искала и нашла-таки оправдание Катя, – Это я просто так расчувствовалась от удачи... Послушай, Константин. Я так тебе благодарна. Как никому, кроме родителей. А впрочем, и ты в какой-то степени родитель Кати Андреевой – сегодняшней, любимой публикой и деловыми кругами... Посмотри, сколько контрактов я подписала сегодня. А вот этот главный – на рекламные фильмы... И все это только благодаря тебе.

Пиль благородно вернул ее на бrenную землю:

– Нет, дорогая принцесса, ты всего добилась сама. Не за что меня благодарить. Тем более что наша передача не в накладе. Теперь, после твоего участия, «Угадай обезьяну» стала просто суперрейтинговой игрой всех времен и народов...

Услышав эти слова, Кате захотелось снять туфлю и запрыгать вокруг Константина на одной ножке:

– Я рада, что хоть в чем-то также помогла и тебе. Но как прекрасна жизнь!.. Теперь у меня есть хорошее жилье, еда, одежда, отличная работа... У меня есть почти все...

– Почти?

– Почти...

Пиль огляделся вокруг:

– А если кто-нибудь скажет, что без ума от тебя...

– Это говорит каждый второй, звонящий в студию..., – нехотя скокетничала Катя.

– А если кто-нибудь скажет, что любит тебя...

– Это говорит каждый четвертый..., – уже совершенно искренне высказалась она.

– А если это скажу я?

– Если?

Катя смотрела глубоко прямо в карие глаза Константина.

Константин смотрел прямо в ее сердце:

– Я люблю тебя, принцесса...

– О, как бы я хотела верить, – уронила-таки слезу Катя, – но мы ведь знакомы всего лишь пару недель.

– Ну и что, – изумился просвещенный Константин, – Люди влюбляются и с одного первого взгляда, а у меня на осознание было целых две недели. И я действительно все эти дни думал о тебе, о времени и о себе. Восхищался твоей внешней и внутренней красотой. И еще: глядя на тебя, я наконец понял, какой я сам, и какой должна быть собой из себя моя другая половинка. Пусть не с первого взгляда, но с тысяча пятьсот первого я заключил, что эта другая половинка, эта любовь, эта моя судьба – ты, Катя. Без тебя я больше не мыслю свою жизнь. Просто представить не могу, что тебя нет рядом, ни здесь, ни там...

Девушка пыталась протестовать, но Пиль не давал ей слова:

– Поверь, ты не случайно оказалась на том самом приеме в клубе “Дипломат”. И ты не случайно поскользнулась, и поскользнулась именно рядом со мной. И я не случайно сумел поймать тебя, хотя на уроках физкультуры ловил всего лишь один мяч из десяти. Это судьба, Катя. Я знаю, что такой девушки, как ты, мне больше никогда не встретить по жизни. И я люблю тебя.

– Но, – еле выдавила Катя из себя, – но ты ведь не можешь любить сразу двух? Тем более накануне свадьбы.

– Ах, это... – кивнул Пиль, – ты имеешь в виду Чикиту Каплан?

– Именно, – не поняла Катя такой легкости в подходе к последнему вопросу.

Константин, однако, продолжал в том же духе:

– О, это было всего лишь одно семейное заблуждение. И моя нелепая ошибка. Чикита ведь весьма недурна собой. Она даже была «Мисс журнальная обложка» прошлого года. К тому же у нее всегда трезвый ум. Есть характер. Она мне в общем-то нравилась, как женщина. И в один момент, когда наши с ней отцы предположили свадьбу, я, в свою очередь, предположил, что люблю ее. Но теперь я знаю, что люблю тебя. Я даже хотел заявить об этом на сегодняшней пресс-конференции. Но тебя так и не нашли... Впрочем, ничего страшного не случилось: журналистам я скажу это в следующий раз. А сначала обрадую отца.

Сказав это, Пиль изрядно повеселел:

– Я никогда не рассказывал тебе о своем отце. Он у меня такой умный и понятливый. Знаешь, я даже обещал его познакомить с тобой. И он очень проникся. Отец хочет встретиться с тобой. Он даже наметил дату. Он ждет нас с тобой четырнадцатого...

– Четырнадцатого? – изумилась Катя, – но это ведь еще целых...

– Да, – несколько замялся Константин, – действительно нескоро, но отец очень занят. У него такая работа... Над ним даже подшучивают все, что ведет он себя как мультимиллионер Пилеменос какой-нибудь. А он очень простой, самый обычный отец. Думаю, что ты ему понравишься. Ведь наши с ним вкусы очень близки. Я скажу, что люблю тебя. И он тебя полюбит тоже. Тут же...

Ссылки Константина на пресс-конференцию, на отца показались Кате весьма убедительными аргументами. И она затрепетала всем телом:

– Ты правда отменишь свадьбу?

– Конечно. Ну скажи, что мне сделать, чтобы ты поверила?

Катя хотела, но не знала, что ему подсказать.

Константин же все-таки придумал:

– Вот что, слушай и решай.

Он демонстративно положил ладонь на карманную библию и, глядя в неработающую камеру, громко, отчетливо произнес как в микрофон:

– Я Константин Пиль, находясь в здравом уме и безо всякого принуждения, заявляю, что люблю Катю Андрееву – гражданку родной страны. Предлагаю ей руку и сердце...

Он вновь обернулся к Кате:

– Ну так что ты скажешь на это? Если хочешь, я могу повторить то же самое и в работающую камеру. И тогда мое признание увидит вся страна. В самом, что ни на есть, прямом эфире. Сейчас как раз идут “Последние новости”. Хочешь?

Катя отрицательно повела глазами:

– Нет. Не нужно. Я..., я и так верю тебе. И я тоже люблю тебя. И я согласна...

С этими словами еще девушка бросилась Пиллю на шею. Они слились в долгом и страстном поцелуе.

Когда их усталые губы расстались, Катя прошептала:

– Как я счастлива...

И Константин ей вторил:

– Как счастлив я...

Девушка, оставаясь в его объятиях, притопнула каблучками:

– Давай сбежим куда-нибудь из этой студии, мне просто не стоит на месте.

– Давай. Но сначала, – Пиль достал из кармана и показал Кате золотую брошь в виде черепашки, – Вот... Ее завещала мне мама. Она просила воткнуть эту брошку в грудь той девушки, которую я полюблю. Мама носила ее...

– Теперь буду носить я? – спросила девушка, двинув нужной грудью.

– Да, – подтвердил Константин, – И я...

Следуя своей неисправимой наследственностью, принц поднял на руки Катю вместе с черепашкой. Гордо понес их к служебному выходу.

6. “Озеро сладких слез”

– Куда мы едем, – только через полчаса опомнилась Катя, сидящая рядом с Пилем в несущемся по шоссе автомобиле.

Константин, не отводя глаз от дороги, улыбнулся:

– К «Озеру Сладких Слез»...

– «Озеро Сладких Слез»?... – задумчиво повторилась девушка, – Я ничего не слышала о таком...

Пиль, оставив на руле одну руку, другой приобнял Катю за трогательные плечи:

– “Озеро сладких слез” – это прекрасное место, окутанное весьма симпатичной тайной. Не все знают о ней. И это к счастью. Иначе бы прохиндеи от бизнеса давным-давно превратили уникальный водоем в большой туристический писсуар...

Катя нетерпеливо подергала за лежащие на ее плече пальцы:

– Но ты знаешь и расскажешь мне эту симпатичную тайну...

– Конечно, – благодушно пообещал Константин и нежно поцеловал ее, не отрываясь от управления транспортным средством, – Тем более, что времени у нас вагон и две маленькие тележки. Ехать, ведь, достаточно далеко. Слушай...

Это случилось пятнадцать веков назад. Они встретились на одном из наших городских базаров, заменяющих в то время молодым людям дискотеки и бары. Девушка и юноша. Он был единственным сыном северного раджи, а она – единственной дочерью южного шейха.

Девушка была так прекрасна, что юноша не удержался и предложил ей коллекционного щербета. Он был строен. Глаза его излучали отвагу, ум, высшее образование. И она не удержалась и приняла из его рук хмелящую чашу. И отпила из нее.

Юноша тут же неукоснительно бросился на колени:

– Выпей и душу мою так же, как этот щербет. Я люблю тебя.

И она опустилась на колени рядом с ним и вложила в его губы ломтик дыни-гуляби:

– Ты поглотил мое сердце. Я тоже люблю тебя.

Но только их губы сомкнулись, как налетела охрана и разъединила влюбленных. С двух разных сторон с великолепных коней смотрели на девушку и юношу их великолепные отцы.

– Никогда моя дочь не выйдет за сына Севера, – констатировал южный шейх.

– Никогда мой сын не женится на дочери Юга, – сформулировал северный раджа.

– Таков наш обычай, – ругнулся южный шейх.

– Так завещали нам предки, – выразился северный раджа.

– Мы должны уважать обычаи и заветы, а также пункты трудового соглашения, – развела мозолистыми руками охрана.

– Но мы любим друг друга, – взмолились весьма молодые люди.

– Отец, разве ты не хочешь счастья для своей единственной дочери, – ринулась девушка к южному шейху.

– Отец, разве не ты учил меня не отступаться от своего счастья, – пророкотал юноша северному радже.

– Ты будешь счастлива, – гарантировал южный шейх, – Но не с ним, а с тем, на кого укажу я.

– Ты будешь счастлив, – подвел черту северный раджа, – выберешь себе в нашем раджистане столько симпатичных девушек, сколько твоя душа и плоть пожелают...

Слезы покатались из глаз девушки. Кровь потекла из прокушенных губ юноши. Но влюбленная пара не смогла вырваться из крепких рук многочисленной охраны.

И так их разлучили, увезли в разные концы земли.

Сто тридцать раз приходили свататься к девушке разные южные шейхи.

Но она в гневе гнала их напрочь.

Сто тридцать девушек подарил северный раджа юноше. Уступил даже любимую пышногрудую Индигирку из собственного гарема. Но ни к одной груди не притронулась рука честного парня.

Ночью возбужденный разлукой юноша не спал. Обернувшись к югу, он шептал:

– Услышь меня, дивная прелесть. Услышь печальную песнь моей любви и страсти...

И за тысячами барханов, за сотнями гор, за десятками оазисов просыпалась девушка и оборачивала свои колени к северу:

– Я слышу тебя, любимый. Но что я – слабая, красивая девушка – могу сделать. Мой отец сердится на меня. И он обещал, если я не приму ни одного предложения шейхов, то через две луны отдаст меня замуж за первого, кто войдет, вползет или влетит на заре в наш город. И тогда мне всю жизнь придется стирать и готовить для нелюбимого...

Жестокая страсть ударила юноше в голову:

– Не бывать такому кощунству...

И еще до утра он разработал не самый идиотский план. Решительно и неудержимо посетил свой гарем, о чем сразу же стало известно отцу от его любимой и не раз обласканной Индигирки.

По утру раджа велел вызвать к нему юношу:

– Теперь я вижу перед собой не мальчика, но мужа. Твое затмение прошло. И теперь ты можешь снова полностью располагать собой. Может быть хочешь выехать на соколиную охоту? Или в честь выздоровления нашего драгоценного наследника мы организуем конные состязания? Или танцевальный марафон «Мисс – живот года»? Или...

– Нет, – благодарно поклонилась родная кровь, – спасибо, о, благороднейший из отцов. Видишь ли, фазер, я хочу провести несколько дней в знаменитой центральной библиотеке. Думаю, что мне следует еще поднабраться опыта предыдущих поколений, прежде чем начать свою собственную самостоятельную жизнь...

– Разумно, сын мой, – похвалил знающий цену наукам раджа, – И также разумно будет снабдить тебя моей надежной охраной.

– Я буду только признателен тебе за подобную услугу, – еще раз расшаркалась родная кровь.

Тем же вечером спецкараван юноши отбыл в далекую и для многих недостижимую центральную библиотеку. Там сразу же по приезду заказал он себе «Энциклопедию семейной жизни». Не слезая с верноподданного верблюда, принялся вслух читать «Несколько сотен советов начинающим».

И уже через двадцать минут вся охрана впала в глубочайший эротический сон.

Убедившись в таком положении дел, юноша без помех покинул библиотеку и город. День и ночь скакал он на запряженном под завязку верблюде без остановок и перекуров. И успел, благополучно прибыл в желанную местность на самом на рассвете.

Но какое жестокое разочарование ждало его у городских ворот. Под ними собралась толпа мужланов, желающих войти первыми.

«Что делать?» – горячно мыслил юноша.

В это время из толпы вышагнул огромный детина-воин и предложил:

– Кто победит в схватке по олимпийской системе, тот и войдет в город первым. Заметано?

– Заметано! – зычно и довольно откликнулась толпа мужланов.

Это означало, что битва будет не на жизнь, а в усмерть. Из каждой пары состязавшихся живым должен остаться только один. И этот уцелевший примет участие в следующей схватке. Выживший в ней участвует в следующей. И так до тех пор, пока из всех желающих остаться в живых, у ворот не останется кто-то один одинешенек.

Юноша напряженно размышлял. А детина-воин тем временем расправлялся по очереди с желающими прикоснуться к знатному телу знатной невесты.

И вот уже желающих не осталось. И детина-воин потряс своей боевой кувалдой:

– Нет больше женихов. Значит, ближайшей же ночью дочь южного шейха станет моей от кончика волоска до самой розовой пяточки...

– Не станет, – раздался тут исступленный крик сына раджи.

Юноша не мог допустить этой позорной свадьбы. Но будучи просвещенным гуманистом, он также не хотел убивать мастеровитого детину-воина. И поэтому придумал следующий выход:

– Я принимаю твой вызов. Но драться мы будем не на мечах и кувалдах, а на кулаках...

– Как хочешь, храбрый юноша, – пожал сажеными плечами детина-воин и помахал у всех зевак перед носом своими кулаками размером с рыло навуходоносра.

И грянул бой на песчаном ринге.

Для вида юноша два раза выпадал в нокдаун. Когда же детина-воин окончательно распоясался и нагло задумал послать его в нокаут, юноша, в совершенстве владеющий стилем «пьяная кобра», нанес свой кинжальный, усыпляющий удар.

Детина-воин рухнул на землю как десантник без парашюта. И по рассказам очевидцев, проспал под стенами города четырнадцать месяцев и два года беспробудно и беспросветно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.